

© 2005 г.

А.В. ГЛУХОВА

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОНФЛИКТОЛОГИЯ ПЕРЕД ВЫЗОВАМИ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

ГЛУХОВА Александра Викторовна - доктор политических наук, профессор, зав. кафедрой социологии и политологии Воронежского госуниверситета.

Смена парадигм исследования конфликтов всегда была тесно связана с динамикой общественных изменений, а сами методологические подходы - вне зависимости от артикуляции в них собственно политической проблематики - пытались дать ответ на два вопроса: как обеспечить целостное существование общества и как соотносятся общественный порядок и его изменение.

Исторически в развитии концепций социального конфликта выделяются три основных этапа. **Первый** (с середины XIX в.) воплощал господство как марксистских, так и немарксистских теорий. В противоположность идее К. Маркса о том, что классовый конфликт является основой объяснения истории, утверждалось, что социальный конфликт неотделим от всей культурной жизни (М. Вебер), имеет психологическую природу и обладает как позитивными, так и негативными функциями (Г. Зиммель), выступает движущим фактором социокультурной динамики (П. Сорокин). **Второй** этап (середина XX в.) характеризуется преобладанием структурно-функциональной методологии. Она ориентировалась на исследование системы институтов, законов, личностных и групповых взаимодействий преимущественно стабильных западных обществ, обуславливающих их интеграцию (Т. Парсонс). Однако этот подход, трактовавший конфликт в качестве социальной патологии, встретил резкую критику функционалистов, рассматривавших конфликт в качестве "укрощенного"

фактора поступательного развития общества (Л. Козер), а также структуралистов, трактовавших его как неотъемлемый элемент социального действия (Р. Дарендорф). В результате происходит пересмотр категорий и понятий конфликта, в частности, отказ от попыток его "разрешения" как полного и окончательного устранения противоречий, свойственных человеческим сообществам, и принятие тезиса об его "урегулировании", то есть упорядочении силовых взаимодействий противоборствующих сторон. Третий этап (конец XX в.) связан с радикально изменившимися обстоятельствами на макроуровне: распадом СССР, резким возрастанием экономического и военно-политического могущества США и т.д. Прежние механизмы стабилизации мировой системы, такие, например, как двухполюсность глобального геополитического пространства, оказались разрушены. Ослабление регулирующих функций универсальной системы международных взаимодействий привело к возрастанию вспомогательных структур низшего порядка сложности, прежде всего цивилизаций.

Новые политические реалии нашли свое отражение в различных теоретических подходах. Начало 90-х годов прошлого века ознаменовалось появлением теории, претендовавшей на статус научной парадигмы. Суть ее состояла в том, что конец "холодной войны" означал завершение масштабного конфликта в глобальной политике и возникновение единого, относительно гармоничного мира. "Будущее посвящено не великим битвам за идеи, но скорее решению приземленных экономических и технических проблем. И все это будет довольно скучно", - писал ее автор Ф. Фукуяма [1, с. 30]. Момент эйфории по окончании "холодной войны" породил иллюзию гармонии. Но вскоре оказалось, что это была именно иллюзия, которая быстро развеялась. Мир, действительно, стал другим по сравнению с началом 1990-х годов, но не более мирным. Оказалось, что изменения, действительно, были неизбежными, тогда как прогресс никем не гарантирован. Известно, что иллюзии гармонии обычно ненадолго возникали в конце каждого крупного конфликта в XX в., но I мировая война породила тоталитаризм и повернула вспять первую волну демократизации, длившуюся целое столетие; а II мировая война вызвала к жизни "холодную войну", ставшую по-настоящему глобальной.

Так же быстро развеялась и иллюзия гармонии, возникшая после окончания "холодной войны". Этому способствовали многочисленные этнические конфликты и "этнические чистки", нарушения закона и порядка, возникновение новых принципов альянса и конфликта между государствами, возрождение неонацистских и интенсификация фундаменталистских движений, неспособность ООН и США справиться с кровавыми локальными конфликтами и т.д. "За пять лет после падения Берлинской стены слово "геноцид" слышалось гораздо чаще, чем за любые пять лет "холодной войны", - утверждает С. Хантингтон [1, с. 32]. По данным Стокгольмского международного института исследования проблем мира (СИПРИ), *количество локальных и региональных конфликтов с применением насилия в мире возросло*. Причем, большинство из них оказалось либо в развивающихся странах, либо на территории бывших СССР и Югославии. Только на постсоветском пространстве имели место 164 территориально-этнических притязания, связанных с границами, из них 30 привели к той или иной форме вооруженных конфликтов [1, с. 38].

Эти события поставили ряд серьезных проблем перед конфликтологической теорией, в чем-то существенно поколебали оптимизм теоретиков. Вопрос о том, как примирить конфликтологическую теорию с современными реалиями, пока остается без ответа. Перспективы мирового развития, как и внутренней трансформации отдельных государств сейчас представляются куда более туманными, чем полтора десятилетия назад. Согласно предостережениям ученых, переходный период от одной миросистемы к другой будет грозным временем потрясений, поскольку "цена перехода крайне высока, его перспективы предельно неясны, а потенциал воздействий небольших изменений на итоговый результат исключительно велик" [2, с. 5-6]. Сегодня мир находится в точке бифуркации, ее разбалансированность очень сильна, а направление развития может быть определено самыми незначительными фактора-

ми. Настало время для интенсивного и беспристрастного анализа исторических альтернатив.

Политическая конфликтология, становление которой в качестве самостоятельной научной отрасли происходило преимущественно во второй половине прошлого века, ныне оказывается перед нелегким выбором новой исследовательской парадигмы, теоретико-методологического инструментария, предметного поля, понятийного аппарата и т.д. В прошлом ареной политики - при всем разнообразии подходов к ее определению - всегда оставалось национальное государство как институциональная матрица для возникновения и развертывания внутренних политических конфликтов, а его внешний контекст составляла биполярная структура международных отношений. Классические конфликтологические теории четко фиксировали предмет и объект конфликта, его причины и источники, субъектов и их поведенческие стратегии. Теоретические выводы, основанные на базе рациональной конфликтологии, имплицитно подразумевали возможность урегулирования или разрешения конфликтов, а, следовательно, выполнение ими целого ряда конструктивных функций.

В настоящее время изменяются все параметры классического анализа политических конфликтов. Во-первых, вера в определенность как фундаментальная методологическая посылка научного анализа эпохи модерна сегодня оказывается достаточно обманчивой. Мир вступил в зону рискового существования, и научные инструменты его анализа не могут не считаться с этим обстоятельством. Концепция риска предполагает наличие динамичного общества, ориентированного на завоевание будущего. Нынешняя эпоха отличается тем, что изменился баланс рисков и опасностей, многие из которых носят по-настоящему катастрофический характер. Таковы глобальные риски, связанные с экологией, распространением ядерного оружия или возможностью краха мировой экономики. Жить в глобальную эпоху - значит иметь дело с множеством новых ситуаций, связанных с риском, и, следовательно, с потенциальными конфликтами. Риск, как и конфликт, всегда необходимо контролировать. Но активный риск - это важнейший элемент динамичной экономики и прогрессивного общества. Трудно не согласиться с Э. Гидденсом в том, что достаточно простое на первый взгляд понятие риска является "ключом к разгадке некоторых базовых характеристик мира, в котором мы сегодня живем" [3, с. 38].

Во-вторых, исчезновение биполярности как определенной модели баланса сил привело к дестабилизации военных блоков. Это означает не просто исчезновение конфронтации между НАТО и ОВД, но и ослабление инструментов контроля над распространением ядерного оружия и технологий. В период "холодной войны" глобальное противостояние Востока и Запада до некоторой степени "сняло" конфликты более низкого уровня. Эти конфликты нередко использовались сверхдержавами в их военно-политическом противостоянии, хотя они старались держать их под контролем, опасаясь перерастания региональных конфликтов в глобальную войну. После распада биполярной структуры региональные и локальные конфликты в значительной степени "зажили своей жизнью". Поэтому ныне вероятность ограниченных ядерных войн выше, чем прежде.

В-третьих, национальное хозяйственное управление стало более трудным вследствие увеличения мобильности капитала и возникновения транснациональных корпораций. Спекулятивные действия капитала ограничивают свободу маневров правительств в макроэкономической политике, зачастую вынуждая их поддерживать более высокую ставку процента, чем того требует внутреннее положение. Отсюда - рост социальной напряженности, увеличение числа людей, живущих за чертой бедности, претендентов на получение социальных пособий. Хотя социальная солидарность и остается важнейшей обязанностью национального государства, особенно в Европе, тем не менее, глобальная конкуренция и необходимость сокращения социальных издержек производства привели к значительному росту напряженности. В принципе, появление новых транснациональных предприятий и сопровождающих их финансовых рынков можно рассматривать как новую производительную силу, при-

носящую благосостояние многим. Однако эта сила нуждается в правилах игры, которые соответствовали бы радиусу действия новых экономических рынков. Пока таких правил нет, что в перспективе делает реальной войну торговых гигантов как наихудшую из всех возможных реакций на распад старого порядка.

В-четвертых, новую остроту приобрели проблемы окружающей среды и мы, возможно, находимся на грани того, чтобы сделать необитаемой планету, на которой живем. Мир стоит перед выбором между экологической катастрофой или интернализацией издержек. Но увеличение издержек производства на сумму соответствующих затрат серьезно угрожает возможностям накопления капитала. Помочь здесь могут лишь действия во всемирном масштабе, хотя достичь этого непросто: достаточно вспомнить судьбу Киотского протокола.

Таким образом, главной причиной роста конфликтности является *слом международного порядка*, сделавшего все страны беззащитными перед прямым применением силы. В результате, мир возвращается от Канта к Гоббсу: сила, а не право определяет происходящее между государствами. "Каждый пытается реализовать свои интересы собственными силами, пусть даже и за счет другого", - считает Р. Дарендорф [4, с. 161]. Это означает, что отныне мы живем в неустроенном мире, где доминирующую роль играет соотношение сил. "Потребность во всемирных нормах редко бывала очевиднее, чем сейчас" [4, с. 163].

На фоне кризиса идеи нации как политической общности происходит консолидация региональных сообществ с акцентом на наднациональные (региональные) ценности, и одновременно активизация мелких ("интимных") политических единств, более сплоченных, чем национальное государство. Эту двойную тенденцию весьма удачно обозначили термином "*глокализация*" [5, S. 116]. Однако ответа на вопрос о том, как она отразится на будущем демократии, пока нет. Интеграция и фрагментация становятся не взаимоисключающими, а взаимодополняющими процессами перераспределения суверенитета, власти и свободы действий. Идентичности также меняются, становятся более сложными и многогранными, формируются преимущественно регионом, этничностью и тендером, а также традиционными факторами нации и класса. Ослабление классового сознания расшатывает политические компромиссы, лежащие в основе государства всеобщего благоденствия, сложившегося в послевоенный период.

В рамках постмодернистских подходов указанные процессы рассматриваются как "конец политики", поскольку с этой точки зрения политика, то есть способность к коллективно обязывающим решениям, распадается как таковая, вслед за распадом национального государства, а ее управляющие функции передаются рынку. По мнению постмодернистов, крупные политические единства отныне становятся невозможными в силу рассеивания индивидов и малых групп по функционально скоординированным сетям, протянувшимся на весь мир.

Однако теоретическое "упразднение" национального государства означало бы одновременное элиминирование демократии как институциональной структуры и политического процесса, инициируемого перманентной политической конкуренцией и протекающего в рамках определенных правил "политической игры". По утверждению Ю. Хабермаса, после Великой французской буржуазной революции "территориальное государство, нация и сложившееся в национальных границах народное хозяйство образовали ... историческое сочетание, при котором демократический процесс смог принять более или менее убедительную институциональную форму" [6, с. 107]. Идея о том, что демократически устроенное общество может с помощью политики оказывать на себя рефлексивное воздействие как на целое, также до сих пор осуществлялась только в рамках национального государства. Утрата им статуса политического субъекта одновременно означала бы конец демократии.

Конечно, современные государства еще обладают определенным могуществом и роль политических лидеров в мире по-прежнему велика. И в то же время роль суверенного государства меняется у нас на глазах. Экономическая политика на уровне

государства уже не обладает прежней эффективностью. Как считает Э. Гидденс, в настоящее время государствам угрожают не столько реальные враги, сколько риски и опасности, что коренным образом меняет их природу. Но изменение природы относится не только к государству. «Повсюду мы видим институты, которые внешне выглядят так же, как и раньше, и носят те же названия, но абсолютно изменились изнутри. Мы продолжаем говорить о государстве, семье, работе, традициях, природе, как будто эти понятия остались теми же, что и прежде. Но это не так. Преподобней осталась скорлупа, внешняя оболочка, но внутри они изменились - и это происходит не только в США, Великобритании или Франции, но практически везде. Я называю их "институты - пустышки". Эти институты уже не соответствуют задачам, которые они призваны выполнять» [3, с. 35]. Недееспособность институтов предопределяет настоятельную потребность в их реформировании или создании качественно иных, природа которых еще до конца не ясна. Глобализация, пришедшая на волне демократизации, демонстрирует ограниченность наиболее привычных демократических структур, а именно структур парламентской демократии.

Ослабление политических институтов активизирует процессы в социокультурной сфере, ведет к обострению ценностной чувствительности локальных и групповых структур как потенциального источника политических конфликтов. Становится популярной концепция С. Хантингтона, акцентирующая роль цивилизационной солидарности людей в борьбе за ограниченные ресурсы, будь то территория, сырье или властные полномочия. П. Штомпка привлек внимание к болезненной и острой реакции социума ("культурной травме"), возникающей вследствие стремительного внедрения новых ценностей и норм, что характерно, прежде всего, для обществ, находящихся в процессе социальной трансформации. Теория "культурного лага" У. Огборна и гипотеза "трех часов" Р. Дарендорфа выявили то обстоятельство, что сфера культуры наиболее инерционна, отличается самым медленным ходом изменения и длительным сохранением прежних условий, когда изменение уже произошло. Отсюда неизбежный конфликт между старыми, традиционными и новыми, современными ценностями, и - как следствие - противоречие между модернизированной структурой социальных и политических институтов и привычными, укоренившимися нормами, ценностями и социально-политическими практиками. Как показывает опыт последнего десятилетия, старым ценностям и поведенческим практикам вполне по силам остановить или даже повернуть вспять процесс модернизации.

Эти теории в совокупности породили новую парадигму социального и политического изменения - *парадигму травмы*, которая постепенно внедряется в сферу гуманитарных и социальных наук. Смысл ее в том, что радикальное социальное или политическое изменение, затронувшее ткань культуры, то есть саму основу способности субъектов к социальному созиданию, порождает продолжительные, болезненные и дисфункциональные для общества последствия: раздвоение, раскол, противоречивость, конфликт внутри культуры. Мир рушащихся традиций порождает фундаментализм как ответную реакцию на растущее культурное многообразие. Идет ли речь о религии, этнической идентичности или национализме - фундаменталисты ищут прибежище в обновленной и "очищенной" традиции, а зачастую и в насилии. Столкновение фундаментализма с космополитизмом станет, по-видимому, главным сражением XXI века.

Глобализация приводит к масштабным миграциям, особенно в западные страны, куда представители мировой "периферии" стремятся ради достижения экономических целей. С. Бенхабиб удачно назвала этот процесс "обратной глобализацией", то есть вызовом Западу, поскольку иммигранты требуют тех или иных прав не в силу своих особенностей как личностей, а в силу непохожести их "культуры" на культуру большинства [7].

Именно институционализация культурных групп и ставит в повестку дня проблему мультикультурализма, суть которого заключается в подмене личной идентичности идентичностью групповой и возникновении в демократических обществах каче-

ственно новых политических групп, основывающих свои политические притязания на *культурной* личности их членов. Эти притязания культуры еще недавно принимались во внимание абсолютным большинством западных социологов и политических деятелей, причем в ущерб демократическим традициям западного мира.

Но общество, в отличие от интеллектуалов, реагирует на этот вызов иначе, а именно ростом национализма. Во внутриполитической жизни ряда западноевропейских стран ныне отчетливо прослеживается несколько тенденций. Во-первых, перемещение крайне правых с периферии в центр и смещение самого центра вправо. Власть постепенно переходит от социалистов и социал-демократов к консерваторам. В Италии, Норвегии, Дании, Австрии, Австралии, Нидерландах, Бельгии, Швейцарии, Франции этот сдвиг уже произошел. Очевидно, что под влиянием произошедшего сдвига правящий класс перестает стесняться коалиции с одиозными политическими фигурами и движениями (например, в Австрии и Италии).

Во-вторых, происходит усвоение правящим классом элементов дискурса крайне правых. По свидетельству наблюдателей французской политической жизни, "все меньше говорится о Республике и демократии и все больше о "национальном единстве и безопасности". Аналогичные обороты (тема культурной идентичности в связке с темой иммиграции) слышны в публичных выступлениях немецких политиков. Лидеры европейских государств все чаще высказывают озабоченность "неконтролируемым" потоком иммиграции и отсутствием у вновь прибываемых политической лояльности (которая, по умолчанию, выводится из лояльности культурной). Пытаясь перехватить инициативу у крайне правых, власти идут на меры, которые еще десятилетие назад казались бы несовместимыми с идеалами либеральной демократии (например, курс аккультурации, то есть оплату гражданами ЕС браков с неевропейцами; увеличение времени ожидания натурализации для иностранцев, ужесточение иммиграционного законодательства в отношении беженцев и т.д.) [8, с. 120].

В-третьих, происходит усложнение публичного дискурса. В современной ситуации не прослеживается линий идеологического противостояния, отчетливо различимых еще во времена "революции 1968 года" (то есть левые/правые. - А.Г.). Сегодня правые пользуются языком, привычным для их оппонентов из левого лагеря: толерантность к различиям, право на идентичность, плюрализм культурных стилей и т.д.

В-четвертых, налицо еще одна черта в дискурсивном повороте, связанном со смещением правых в центр. *Это перекодирование проблемы социального взаимодействия в проблему культурной совместимости.* Индустриально развитые страны остро нуждаются в иммигрантах и по экономическим, и по демографическим причинам. Несмотря на их значительный приток, структуры господства в европейских государствах не претерпели существенных изменений. Элиты по-прежнему рекрутируются из местного населения, мигранты и их дети занимают наименее престижные ступени на социальной лестнице. Вместе с тем, последние не спешат интегрироваться в западную культуру, вследствие чего иммиграция вносит свой вклад в конфликты и противоречия, с которыми сталкиваются западные общества в последние десятилетия. Помимо таких привычных коллизий, как безработица и преступность, сюда примешивается этноконфессиональный компонент. То обстоятельство, что мигранты вступают в конкуренцию за ресурсы с местным населением, относится к разряду социальных проблем. В картине же, рисуемой крайне правыми, эта конкуренция предстает как конфликт двух культурных, или конфессиональных групп - "христиан", с одной стороны, "мусульман", с другой. Канализировать энергию общественного недовольства в русло ксенофобии - весьма эффективный политический инструмент, особенно для тех, кто стремится к власти.

Таким образом, налицо тесная связь между внутренними и внешними факторами вызревания политических конфликтов. Международные процессы оказывают все более возрастающее воздействие на внутриполитические трансформации; последние же, в свою очередь, приобретают международный характер. Ослабление национального государства, изменение его функций, невозможность в ряде случаев гаран-

тировать безопасность, а с нею и идентификацию личности, влечет за собой усиление неопределенности, развитие затяжных конфликтов, которые то затухают, то вспыхивают вновь.

XX век некоторые авторы (З. Бжезинский) назвали "преступным столетием": такого количества войн, революций, военных переворотов не знала ни одна предшествующая эпоха. Однако и новый век не сулит в этом плане ничего обнадеживающего: остались или возрождаются вновь национализм, радикализм и ксенофобия. Политическая конфликтология, чьей первоочередной задачей является диагностика конфликтов на ранней стадии их вызревания, обязана принять вызовы нового века. Сегодня еще далеко до четких и убедительных концепций, проверенных технологий и методик урегулирования новых конфликтных противоборств. Однако очевидно, что в их анализе необходимо исходить: из учета взаимодействия между универсальными и региональными факторами; из анализа динамического напряжения между сходством и различием; из поиска условий и факторов политической институционализации, прежде всего на макро- и мегауровне; из учета ценностной чувствительности локальных и групповых структур, прежде всего этноконфессионального свойства.

Эти проблемы становятся наиболее характерной чертой современного политико-культурного ландшафта и, следовательно, предметом особого внимания политической конфликтологии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Цит. по: Хантингтон С. Столкновение цивилизаций / Пер. с англ. Т. Велимеева, Ю. Новикова. М.: Издательство АСТ, 2003.
2. См.: Валлерстайн И. Конец знакомого мира: Социология XXI века / Пер. с англ. Под ред. В.И. Иноземцева. М.: Логос, 2004.
3. Гидденс Э. Ускользящий мир. Как глобализация меняет нашу жизнь / Пер. с англ. М.: Весь Мир, 2004.
4. Дарендорф Р. Современный социальный конфликт. Очерк политики свободы / Пер. с нем. М.: РОССПЭН, 2002.
5. Dahrendorf R. Auf der Suche nach einer neuen Ordnung. Eine Politik der Freiheit für das 21. Jahrhundert. Band 3. Verlag C.H. Beck oHG, München, 2003.
6. Хабермас Ю. Постнациональная констелляция и будущее демократии // Логос. 2003. № 4—5.
7. См.: Бенхабиб С. Притязания культуры. Равенство и разнообразие в глобальную эпоху / Пер. с англ. Под ред. В.И. Иноземцева. М.: Логос, 2003.
8. Малахов В. Жан-Мари Ле Пен и другие // Космополис. 2002. № 1.